

Марченя П. П. Крестьянское сознание как доминанта Русской революции / П. П. Марченя // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 303—315.



УДК 94(47).084.1/2

Крестьянское сознание как доминанта Русской революции*

© **Марченя Павел Петрович (2015)**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии, Московский университет МВД России; доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации», marchenyap@gmail.com.

Крестьянское сознание рассматривается в качестве доминантного фактора политической истории всей Русской революции первой трети XX века. Утверждается, что крестьянское сознание, архетипы которого коренились в русской поземельной общине, служило матричным для массового сознания в целом. Отмечается, что именно крестьянское / массовое сознание играло решающую роль в историческом выборе России в ситуации системного кризиса, поставившего под вопрос дальнейшее существование Империи как особой формы единения власти и масс. Автор полагает, что в конкурсе исторических проектов боровшихся за власть политических партий судили массы, искавшие «свою» власть в системе архаических координат «свой—чужой». По мнению автора, в этом поиске и заключается функциональный смысл «Русской смуты» как болезни Империи, связанной с угрозой прерывания исторической преемственности цивилизационных императивов и проблемой цивилизационной идентичности элит и масс. Доказывается, что отсутствие резонанса с системообразующими параметрами сознания общинного «мира» у политических элит, претендовавших на наличие «исторической альтернативы», означало невозможность их реального политического будущего. Точка зрения автора состоит в том, что большевизм оказался единственной политической силой, адекватной массам.

Ключевые слова: Русская революция; Империя; Смута; крестьянство; крестьянское сознание; массы; элиты; массовое сознание; политические партии.

1. Вводные замечания

В настоящей статье кратко представлена авторская модель осмысления места и роли крестьянского сознания в качестве фактора, детерминировавшего и интегрировавшего важнейшие массовые процессы и события Русской революции 1917 года (шире — фактически всей первой трети XX века) как целостной глубинной трансформации («перезагрузки») системы взаимодействия власти и общества в России: от краха Самодержавия и разгула Смуты, означавшей разрыв идеологических и психологических связей, объединяющих власть и массы Империи, временную утрату легитимной центральной власти и ее поиск (выбор) — через бессилие мнимых «демократических альтернатив», продемонстрировавших неспособность преодолеть самоубийственное отчуждение политических элит от широких крестьянских (рабоче- и солдат-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-31-12034.

ско-крестьянских) масс и преодолеть обвальный распад государственных и общественных связей — к победе большевизма, обуздавшего Смуту и утвердившего созвучные крестьянскому сознанию Императивы, обновившие историческое качество Империи и восстановившие преемственность цивилизационного бытия России.

В таком контексте крестьянское сознание выступало *матричным* для всех форм массового, общественного, группового сознания и поведения народа в Русской революции, являясь *матрицей* — исходной материнской (корневой, базовой, системообразующей, трафаретной...) формой (или системой форм), представленной набором предсказуемых (готовых, стандартных, «запрограммированных», «предустановленных по умолчанию») установок и реакций (архетипов, стереотипов, шаблонов, клише...), детерминирующей линейную причинно-следственную модель поведения масс, задающей определенную последовательность и диапазон («коридор») событийного ряда Русской революции; изначальной «формой форм», подобной известному в математике «волшебному квадрату», возвращающемуся к канонической («нормальной») форме при любой попытке замены координат.

Спровоцированные многочисленными угрозами нового «Смутного времени» и поставленным в «повестку дня» древнейшим из всех вопросов — вопросом о *выживании* — актуализация крестьянского / массового сознания и выход на политическую сцену крестьянских масс привели к *архаизации* всех общественных отношений, напрасно вызывавшей (и, как правило, и сегодня вызывающей) пренебрежение со стороны элит. Ведь сам феномен *масс* и *массового* может быть переосмыслен как матрица общества, глубинная социальная праструктура, «*архе*» социального (если вспомнить, что под этим словом имели в виду первые греческие философы, искавшие первооснову всего сущего), как возвращение к первоначальной форме объединения людей перед лицом общей угрозы, нивелирующей всевозможные различия между ними и создающей доминанту коллективного сознания [Марченя, 2015].

Осмысление этой недооцененной элитами доминанты способно помочь за внешней противоречивостью, кажущейся «случайностью» и «психопатологичностью» разноплановых событий «Красной смуты» [Булдаков, 1996; Булдаков, 1997] разглядеть сравнительную последовательность, единство и логичность Русской революции.

В сегодняшнем — «посткрестьянском», сохранившем сущностное качество «крестьянственности» [Бабашкин, 2000] — обществе актуальность поставленной таким образом проблемы не только не уменьшается — она лишь продолжает стремительно увеличиваться на фоне нарастающих волн протестного движения и других проявлений Смуты.

В силу формата и объема настоящей статьи акцент в ней делается на теоретические обобщения без подробного обоснования и иллюстрирования, но предложенные к дискуссии положения основаны на значимой в источниковом,

историографическом и методологическом аспектах базе и многолетней исследовательской и публикационной деятельности автора (см., напр.: [Марченя, 2002; Марченя, 2005]; подробнее см. подборку публикаций: [НВ]).

2. Крестьянский характер революции в России: историографические тенденции и результаты

Многие участники и очевидцы революционных событий уже непосредственно в их ходе или сразу же по их «горячим следам» делали выводы об истинной «крестьянской подоплке» [Троцкий, 1990, с. 211, 250—251] буквально всей Русской революции, скрывавшейся за идеологическими клише о ее сначала «буржуазном», а потом «пролетарском» характере. Знаменательно, что общность подобных выводов можно без труда обнаружить в наблюдениях представителей всех политических партий, общественных классов и социальных групп революционной России. И речь шла отнюдь не только о количественном преобладании крестьянской составляющей в народном движении, а о существенном качестве самой революции. В том, что ее разгадку следует искать в культуре русского крестьянства, что существует органическое родство большевизма и крестьянства, сходятся, к примеру, несовместимые во всех остальных отношениях позиции большевистского идеолога пролетарской диктатуры Л. Д. Троцкого, главы Временного правительства неонародника А. Ф. Керенского, лидера российских либералов конституционалиста-демократа П. Н. Милокова, множества других русских политиков, офицеров, мыслителей, писателей... (см.: [Марченя, 2005, с. 11—12 и далее]).

По понятным причинам в советское время такая направленность в осмыслении революции могла развиваться преимущественно за рубежом, в среде эмигрантов или иностранных исследователей. Но после распада СССР и утраты монополии марксизма на историческую истину отечественными историками вновь был поставлен вопрос о доминирующей роли крестьянства в квази-пролетарской революции.

Так, с начала 1990-х гг. усилиями отечественных и зарубежных аграрных историков и крестьяноведов (В. П. Данилов, Т. Шанин, А. М. Никулин, А. В. Гордон, В. В. Бабашкин, В. В. Кондрашин и др.) развивается проект «Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг.» (см.: [Кондрашин, 2008]). Первоначальной основой проекта стали положения В. П. Данилова о глубинной крестьянской основе всей революции в России (хронологические рамки которой он определил от 1902 г. как оформления радикальных крестьянских требований — до 1922 г. как победы крестьянства в Гражданской войне), высказанные им в Колумбийском университете в докладе «Аграрные реформы и аграрная революция в России» (1991 г.), опубликованном в 1992 г. [Данилов, 1992] в почти сразу же ставшей классикой хрестоматии [Великий незнакомец..., 1992]. Составителем последней выступил автор знаменитых книг о роли крестьянства как «неудобного класса» [Shanin, 1972] в революции, явившейся

«моментом истины» для России [Shanin, 1986; Шанин, 1997], профессор Манчестерского университета Теодор Шанин. Так «Аграрная», «Крестьянская» [Данилов, 1996] или даже «Великая крестьянская» [Данилов, 1998] революция 1902—1922 гг. стала предметом серьезного комплексного осмысления целой плеяды ученых, принимавших активное участие в организованном под руководством В. П. Данилова и Т. Шанина семинаре «Современные концепции аграрного развития» [см.: Современное крестьяноведение..., 2015] (летописец этого семинара и выдающийся крестьяновед В. В. Бабашкин в дальнейшем предложил еще более раздвинуть хронологические рамки «Крестьянской революции», которая, по его мнению, закончилась лишь к 1935 году: консервативная и антикапиталистическая по сути, она во многом детерминировала ход и исход столыпинских преобразований, приход к власти большевиков, характер Гражданской войны, поворот к НЭПу и срыв НЭПовской политики в коллективизацию [Бабашкин, 2011]).

В рамках этого семинара, а также параллельно с ним и вне его многими учеными были сделаны схожие выводы. Так, академик П. В. Волобуев в программном для российских историков докладе «Исторические корни Октябрьской революции» в качестве «решающего условия успеха большевиков» отметил то, что российское крестьянство «отказало в доверии капитализму» [Волобуев, 1994, с. 46]. Ю. П. Бокарев предложил саму Октябрьскую революцию «считать поражением сторонников введения в России частной собственности на землю» [Бокарев, 1996, с. 91]. В. П. Булдаков резюмировал, что «глубинные причины российской революционной смуты начала XX века действительно коренятся в расколе — ужасающем взаимоотношении все более европеизирующихся элит и все более склонного к общинной замкнутости крестьянства» [Булдаков, 1996, с. 9] (что вполне согласуется с давним мнением многих представителей Русского зарубежья, воспринимавших Октябрь не иначе как «массовый отказ народа от европейской романо-германской культуры» [Омельченко, 1996, с. 15]). И. Я. Фроянов высказал мнение, что Октябрьская революция «представляла собой ... конечный трагический акт в драматическом противостоянии дворянства и крестьянства», в котором «Русская земля разрешилась от своего 200-летнего бремени народной революцией», — и подчеркнул, что «по форме это была пролетарская революция, а по сути — крестьянская» [Фроянов, 1997, с. 45, 10].

Наряду с концептом, обозначаемым как *крестьянская революция*, получил широкое распространение аналогичный по смыслу термин *общинная революция* [Файджес, 1994; Бухараев, 1994] как «победа общины над государством и капитализмом» [Люкшин, 1996, с. 35].

Историками были сделаны методологически важные выводы о фактической автономности (от партий и их пропаганды) участия крестьянства в политическом процессе [см., напр.: Буховец, 1996], о том, что «...политическая функция крестьянства гораздо сложнее сложившихся в историографии схем: оно не было просто “социальной базой” партии эсеров или “союзником пролетариата” —

крестьянство оказывало мощное многоаспектное воздействие на весь ход общественных процессов самим традиционным укладом своей жизни, психологическими стереотипами, выработанными общиной, системой своих базовых ценностей и эгалитарных «радикально-консервативных» устремлений»... крестьянство оказало на партии большее влияние, чем партии на крестьянство, и вопрос этот... еще нуждается в дальнейшем изучении» (см.: [Марченя, 2002, с. 195]).

Одной из новых вех в развитии этой темы стали ее комплексные исследования в рамках научного проекта «Народ и власть. История России и ее фальсификации» [НВ], привлекшего множество заинтересованных ученых со всей России (и не только). Так, после имевшего резонанс в научном сообществе круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» (см.: [Крестьянство и власть..., 2011; Фурсов, 2012; Ревин, 2013; Шевельков, 2013]), организованного в 2010 году в рамках этого проекта, одним из постоянных направлений его деятельности стал новый семинар, получивший название «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» [см.: Бродовская, 2013]. «Крестьянский вопрос» стал рассматриваться как узловая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены практически все главные конфликты российской истории (и именно такой подход и лег в основу всех последующих «крестьяноведческих» мероприятий проекта и издания объемного сборника, в известном смысле подытожившего промежуточные историографические и методологические результаты деятельности этого семинара и распространившего современное историческое прочтение «Крестьянской революции» вплоть до победы сталинизма в СССР [Сталинизм и крестьянство..., 2014; о книге см: Хорос, 2015; Бордюгов, 2015].

3. Крестьянство и крестьянское сознание в контексте Русской смуты и Русской революции

Выделим наиболее важные тезисы авторской модели осмысления крестьянского сознания как важнейшего фактора Русской смуты и Русской революции.

Крестьянство выступало фундаментом Российской империи, а его сознание было носителем и хранителем самого «качества» России как самобытной цивилизации, ее «почвы» и «социокультурных кодов».

Крестьянское сознание выступало доминантным фактором политической истории всей Русской революции, вне осмысления которого невозможно постижение ее логики, причин и результатов. В исследовании природы и динамики генезиса, развития и затухания крестьянского протеста (якобы «бессмысленного» бунта) в контексте системного кризиса Империи кроется ключ к осмыслению механизма реализации массового сознания как средства выживания и самовоспроизводства российской цивилизации.

Крестьянское сознание, архетипы которого коренились в русской земельной общине, служило матричным для массового сознания в целом, а в рассматриваемый период фактически определяло и матрицу наиболее значимых событий Смуты и Революции в России.

Крестьянское сознание играло решающую роль в настроении и поведении не только самого крестьянства (как безусловно абсолютного большинства населения Российской империи), но и внешне других — «урбанизированных» — социальных сил, также выведенных из равновесия и охваченных стихией «традиционного» (опять же «крестьянского» по своей матрице протеста), в том числе «рабочего класса» (в рассматриваемом «сознательном» ключе практически неотличимого от «крестьянского класса»); различных маргинализованных элементов (сознание которых если не по их происхождению, то по базовым установкам «идеологии» и «психологии» традиционного антимодернистского ресентимента являлось производным от крестьянского / матричного); а также, разумеется, «авангарда» большинства «революционных» событий в городах и селах страны — солдат и матросов (по своему сознанию представлявших наиболее радикализованную ипостась того же крестьянства, сверх всякой меры ожесточенного мировой бойней и окончательно «раскрепощенного» повсеместным применением вооруженного насилия как главного, фактически единственного аргумента всякой «принципиальной дискуссии»). Не будет большим преувеличением сказать, что сознание всей революционной России было по преимуществу *крестьянским*. И его реалий не могли не учитывать все политические элиты, претендующие на власть (или хотя бы на влияние) в России.

Кроме того, крестьянское сознание никак не может быть сведено всего лишь к полигону борьбы партий за власть — оно предопределяло «коридор возможностей» политического процесса и, в конечном итоге, победителя и проигравших в общероссийском конкурсе партийных утопий — «исторических альтернатив». Как и само крестьянство отнюдь не служило пассивной социальной базой той или иной оформленной политической силы или всего лишь *объектом* политической борьбы — оно, напротив, выступало главным *субъектом* исторического выбора страны и являлось могущественнейшей силой, с которой никто не мог безнаказанно позволить себе не считаться и на которую никто не мог самонадеянно в полной мере опереться.

Охвативший всю Российскую империю системный кризис, в котором политические элиты пытались игнорировать реалии крестьянского сознания и волю крестьянских масс, поставил под вопрос возможность дальнейшего существования Империи как особой формы единения власти и масс (способа организации массового сознания на основе общих Императивов, задающих единство смыслов истории государства, общества и человека, формирующих целостность социального и личного бытия) [подробнее см.: Марченя, 2010a].

Смута означала временную утрату Империей «своей» («старой») власти — как власти, способной нести далее общие исторические Императивы, и формирование нескольких альтернативных «центров» власти, из которых и осуществлялся выбор «своей» («новой») власти, способной преодолеть Смуту и вернуть обновленной Империи ее Императивы.

Этот исторический, цивилизационный выбор «массы—власть» проходил именно в массовом / крестьянском сознании, в системе его исконных архаических координат «свой—чужой» (неизбежная актуализация которых в контексте Смуты вызывает тотальную архаизацию всей системы общественных связей). Массы «бежали» от «чужой» власти и искали власть «свою» — и в этом поиске и заключается функциональный смысл «Русской смуты» как болезни Империи, связанной с угрозой прерывания исторической преемственности и проблемой цивилизационной идентичности элит и масс (государства и общества, власти и народа) России.

Особую ситуативно-активную роль в структуре крестьянского сознания играло правосознание, служившее рациональным (относительно) «спусковым механизмом» иррационального (по сути) включения широких масс в чуждый им политический процесс — именно «правовое» и трансформировало «социально-психологическое» и «социокультурное» — в «идеологическое» и «политическое») [Марченя, 2010б]. Теоретические представления о нигилистичности русского правосознания оторваны от исторической практики. Именуемый «правовым нигилизмом» негативизм массового сознания является функциональным проявлением механизма самозащиты исторически конкретной цивилизации (а употребление термина *правовой нигилизм* является проблемой цивилизационной идентичности — оно основывается на нигилистичном отношении культурных агентов одной цивилизации к ценностям цивилизации другой).

В условиях Смуты большевизм оказался единственной политической силой, адекватной массам / крестьянству / традиции (подробнее см.: [Марченя, 2008]). Победа Русской революции означала преодоление Смуты и воссоздание Империи в ее новом качестве, согласованном с базовыми установками и ценностями крестьянского сознания.

4. Выводы

Подводя итоги, повторим, что в этой небольшой по объему статье предельно сжато обобщены концептуально значимые результаты многолетнего комплексного исследования и разноаспектной серии публикаций автора.

Подчеркнем, что отсутствие резонанса с системообразующими параметрами сознания общинного «мира» у политических партий, претендовавших на наличие «исторической альтернативы», означало невозможность их реального политического будущего (фиктивность пресловутой «альтернативы»).

Отсутствие учета исторического опыта и особенностей массового сознания в «новой России» (в своих важнейших характеристиках сохраняющих преемственность с матричным «крестьянским сознанием» России «старой») делают бессмысленными и опасными попытки проведения всевозможных «модернизаций», «оптимизаций» и прочих «инноваций», если они претворяются в жизнь в «антирезонансе» с базовыми установками, ценностями и ожиданиями масс: в лучшем случае подобные «перестройки» так и останутся

юридическими фикциями, в худшем — они реально способны спровоцировать очередные социальные катаклизмы.

Поставленная проблема сохраняет сверхприоритетную актуальность в современной ситуации: можно спорить о наличии реального крестьянства в постсоветской действительности, но не о реальности сохранения вполне определенных характеристик крестьянского / массового сознания, остающихся матричными в условиях непреодоленной Смуты на всем пространстве разваленной Советской империи. Без понимания и учета этих характеристик немислимо и стратегическое оформление «новых»—«старых» Императивов как главных оснований «выздоровления» России и преемственности ее исторического пути.

Благодарности

Автор выражает признательность Российскому государственному научному фонду (РГНФ).

ПУБЛИКАЦИЯ ПОДГОТОВЛЕНА В РАМКАХ ПОДДЕРЖАННОГО РГНФ ПРОЕКТА № 15-31-12034.

Источники и принятые сокращения

1. НВ — *Народ* и власть : История России и ее фальсификации : [постоянно действующий научный проект]. — Открытый Архив научного информационного пространства Сети Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://socio.net/ru/collection.xml?h=repec.rus:tqtuvj>.

Литература

1. *Бабашкин В. В.* О некоторых закономерностях эволюции власти в посткрестьянском обществе / В. В. Бабашкин // *Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность.* — Москва : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2000. — С. 105—110.

2. *Бабашкин В. В.* Россия 1902—1935 годов как аграрное общество : опыт применения концептуальных подходов современного крестьяноведения / В. В. Бабашкин. — Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 428 с.

3. *Бокарев Ю. П.* «Умом Россию не понять» : поведение крестьян в революционную эпоху / Ю. П. Бокарев // *Революция и человек : социально-психологический аспект* : [материалы конференции, 28—30 ноября 1994 г.]. — Москва : Институт российской истории РАН, 1996. — С. 80—84.

4. *Бордюгов Г. А.* Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения / Г. А. Бордюгов // *Российская история.* — 2015. — № 4. — С. 188—192. (или см.: Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://users4496447.socio.net.ru/files/188-192-Bordiugov.pdf>).

5. *Бродовская Л. Н.* Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории / Л. Н. Бродовская // *Власть.* — 2013. — № 4. — С. 189—191 (или см.: Институт социологии РАН: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/04/Brodovskaya.pdf>).

6. *Булдаков В. П.* К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) / В. П. Булдаков // *Революция и человек : социально-пси-*

хологический аспект : [материалы конференции, 28—30 ноября 1994 г.]. — Москва : Институт российской истории РАН, 1996. — С. 4—17.

7. *Булдаков В. П.* Красная смута : природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 375 с.

8. *Бухараев В. М.* Российская смута начала XX века как общинная революция / В. М. Бухараев, Д. И. Люкшин // Историческая наука в меняющемся мире. — Вып. 2. — Казань : Изд-во Казанского университета, 1994. — С. 154—157.

9. *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века : новые материалы, методы, результаты / О. Г. Буховец. — Москва : Мосгорархив, 1996. — 398 с.

10. *Великий незнакомец* : крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия / сост. Теодор Шанин ; рус. ред. А. В. Гордона ; предисл. к рус. изд. В. П. Данилова. — Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. — 431 с.

11. *Волобуев П. В.* Исторические корни Октябрьской революции / П. В. Волобуев // Анатомия революции : 1917 год в России : массы, партии, власть : [материалы коллоквиума, 11—15 января 1993 г.]. — Санкт-Петербург : Глаголь, 1994. — С. 37—47.

12. *Данилов В. П.* Аграрные реформы и аграрная революция в России / В. П. Данилов // Великий незнакомец : крестьяне и фермеры в современном мире. — Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. — С. 312—314.

13. *Данилов В. П.* Великая крестьянская революция / В. П. Данилов // Октябрь 1917 : смысл и значение : материалы круглого стола в Горбачев-Фонде 30 октября 1997 г. — Москва : Апрель-85, 1998. — С. 9—17.

14. *Данилов В. П.* Крестьянская революция в России, 1902—1922 / В. П. Данилов // Крестьяне и власть : материалы конференции. — Москва : Московская школа социальных и экономических наук ; Тамбов : Тамбовский государственный технический университет, 1996. — С. 4—23.

15. *Кондрашин В. В.* «Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг.» : научный проект и научная концепция (предварительные заметки) / В. В. Кондрашин // Уральский исторический вестник. — 2008. — № 2. — С. 85—89.

16. *Крестьянство и власть в истории России XX века* : сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / ред.: П. П. Марченя, С. Ю. Разин. — Москва : АПР, 2011. — 472 с. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 2) (или см.: Институт социологии РАН : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

17. *Люкшин Д. И.* 1917 год в деревне: общинная революция? / Д. И. Люкшин // Анатомия революции : 1917 год в России : массы, партии, власть : [материалы коллоквиума, 11—15 января 1993 г.]. — Санкт-Петербург : Глаголь, 1994. — С. 115—142.

18. *Марченя П. П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? / П. П. Марченя // История в подробностях. — 2010. — № 6. — С. 88—96 (или см.: Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf>).

19. *Марченя П. П.* Крестьянство Поволжья и большевики в 1917 г. : социокультурный аспект : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / П. П. Марченя ; Рос. гос. гуманитарный ун-т. — Москва, 2002. — 235 с. (или см. : Докми [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.docme.ru/doc/89058/krest_yanstvo-i-bol_sheviki.pdf).

20. *Марченя П. П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России / П. П. Марченя. — Москва : Цит-М, 2005. — 206 с. (или см.: Докми [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.docme.ru/doc/89060/marchenya-2005.pdf>).

21. *Марченя П. П.* Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. / П. П. Марченя // История государства и права. — 2010. — № 19. — С. 20—22 (или см.: Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.docme.ru/doc/89090/marchenya-p.p.-massovoe-pravosoznanie-kak-faktor.pdf>).

22. *Марченя П. П.* Массы и массовая политика : концепты и реалии / П. П. Марченя // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2015. — № 3. — С. 76—79 (или см.: Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://users4496447.socionet.ru/files/mass_politika.pdf).

23. *Марченя П. П.* Политические партии и массы в России 1917 года : массовое сознание как фактор революции / П. П. Марченя // Россия и современный мир. — 2008. — № 4 (61). — С. 82—99 (или см. : Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/partii.pdf>).

24. *Омельченко Н. А.* В поисках России : общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности / Н. А. Омельченко. — Санкт-Петербург : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1996. — 549 с. — (Современная российская мысль).

25. *Ревин И. А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута : научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов / И. А. Ревин // Новый исторический вестник. — 2013. — № 2 (36). — С. 56—66 (или см. : Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/Projekt1.pdf>).

26. *Современное* крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. — Москва : Политическая энциклопедия, 2015. — 743 с.

27. *Сталинизм* и крестьянство : сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / ред.: П. П. Марченя, С. Ю. Разин. — Москва : Изд-во Ипполитова, 2014. — 765 с. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации»). — Вып. 4) (или см. : Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf>).

28. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции : [сборник] / Л. Д. Троцкий ; [сост., авт. биогр. очерка, с. 3—62, и примеч. Н. А. Васецкий]. — Москва : Политиздат, 1990. — 447 с.

29. *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917—1918 гг. / О. Файджес // Анатомия революции : 1917 год в России : массы, партии, власть : [материалы коллоквиума, 11—15 января 1993 г.]. — Санкт-Петербург : Глаголь, 1994. — С. 230—237.

30. *Фроянов И. Я.* Октябрь семнадцатого : (Глядя из настоящего) / И. Я. Фроянов. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. — 160 с.

31. *Фурсов А. И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории / А. И. Фурсов // Обозреватель—Observer. — 2012. — № 6. — С. 69—89 (или см. : Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>).

32. *Хорос В. Г.* Понимание как основа историзма : о книге «Сталинизм и крестьянство» / В. Г. Хорос // Новый исторический вестник. — 2015. — № 1 (43). — С. 135—153 (или см. : Соционет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://users4496447.socionet.ru/files/Khoros.pdf>).

33. Шанин Т. Революция как момент истины [=Revolution as a Moment of Truth]. Россия 1905—1907 — 1917—1922 гг. / Т. Шанин; [пер. с англ. Е. М. Ковалева]. — Москва : Весь мир, 1997. — 555 с.

34. Шевельков А. И. Крестьянские штудии научного проекта «Народ и власть : История России и ее фальсификации» / А. И. Шевельков // Научный диалог. — 2013. — № 12. — С. 169—181.

35. Shanin T. Russia, 1905—07 : Revolution as a Moment of Truth / T. Shanin. — Houndsmills : Macmillan, 1986. — XVI, 379 p. — (Series : The Roots of Otherness — Vol. 2).

36. Shanin T. The Awkward Class : Political Sociology of Peasantry in a Developing Society : Russia 1910—1925 / T. Shanin. — Oxford : Clarendon Press, 1972. — XVII, 253 p.

Peasant Consciousness as Russian Revolution Dominant

© **Marchenya Pavel Petrovich (2015)**, PhD in History, associate professor, Deputy Head of Department, Department of Philosophy, Moscow University of Ministry of the Interior of the Russian Federation; associate professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), editor, scientific project “People and Authority: Russian History and Its Falsifications”, marchenyap@gmail.com.

Peasant consciousness is considered as the dominant factor in the political history of the whole Russian revolution of the first third of the XX century. It is argued that peasant consciousness, the archetypes of which was rooted in the Russian land community, was a matrix for mass consciousness as a whole. It is noted that Russian mass consciousness played a crucial role in the historical choice of Russia in the situation of systemic crisis that called into question the further existence of the Empire as a special form of the unity of power and mass. The author believes that the competition of historical projects fought for power of political parties was judged by the masses who seek “their own” power in the archaic system of coordinates “friend or foe”. According to the author, this finding is the functional meaning of “Russian Confusion” as the disease of the Empire, associated with the threat of interruption of historical succession of civilizational imperatives and the problem of civilizational identity of elites and masses. It is proved that the lack of resonance with the core parameters of the consciousness of community world in the political elites, claiming the presence of “historical alternatives”, meant the impossibility of their real political future. The author’s point of view is that the Bolsheviks were the only political force that was adequate to the masses.

Key words: Russian revolution; Empire; Confusion; peasantry; peasant consciousness; the masses; the elite; mass consciousness; political parties.

References

- Babashkin, V. V. 2000. O nekotorykh zakonomernostyakh evolyutsii vlasti v postkrestyanskom obshchestve. In: *Kuda idet Rossiya?.. Vlast', obshchestvo, lichnost'*. Moskva: Moskovskaya vysshaya shkola sotsialnykh i ekonomicheskikh nauk. 105—110. (In Russ.).
- Babashkin, V. V. 2011. *Rossiya 1902—1935 godov kak agrarnoye obshchestvo: opyt primeneniya kontseptualnykh podkhodov sovremennoy krestyanovedeniya*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 428. (In Russ.).
- Babashkin, V. V. (ed.). 2015. *Sovremennoye krestyanovedeniye i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke*. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 743. (In Russ.).
- Bokarev, Yu. P. 1996. «Umom Rossiyu ne ponyat'»: povedeniye krestyan v revolyutsionnyy epokhu. In: *Revolyutsiya i chelovek: sotsialno-psikhologicheskyy aspekt*.

- [materialy konferentsii, 28—30 noyabrya 1994]. Moskva: Institut rossiyskoy istorii RAN. 80—84. (In Russ.).
- Bordyugov, G. A. 2015. Vne polya agrarnoy istorii, za predelami krestyanovedeniya. *Rossiyskaya istoriya*, 4: 188—192. (In Russ.).
- Brodovskaya, L. N. 2013. Krestyanskiy vopros i mirovoy istorii. *Vlast'*, 4: 189—191. (In Russ.).
- Bukharaev, V. M., Lyukshin, D. I. 1994. Rossiyskaya smuta nachala XX veka kak obshchinnaya revolyutsiya. In: *Istoricheskaya nauka v menyayushchemsya mire*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta. 2: 154—157. (In Russ.).
- Bukhovets, O. G. 1996. *Sotsialnye konflikty i krestyanskaya mentalnost' v Rossiyskoy imperii nachala XX veka: novyye materialy, metody, rezultaty*. Moskva: Mosgorarkhiv. 398. (In Russ.).
- Buldakov, V. P. 1996. K izucheniyu psikhologii i psikhopatologii revolyutsionnoy epokhi (metodologicheskiy aspekt). In: *Revolyutsiya i chelovek: sotsialno-psikhologicheskiy aspekt*: [materialy konferentsii, 28—30 noyabrya 1994]. Moskva: Institut rossiyskoy istorii RAN. 4—17. (In Russ.).
- Buldakov, V. P. 1997. *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 375. (In Russ.).
- Danilov, V. P. 1992. Agrarnyye reformy i agrarnaya revolyutsiya v Rossii. In: Shanin, T. (ed.). 1992. *Velikiy neznakomets: krestyane i fermery v sovremennom mire: khrestomatiya*. Moskva: Progress: Progress-Akademiya. 312—314. (In Russ.).
- Danilov, V. P. 1996. Krestyanskaya revolyutsiya v Rossii, 1902—1922. In: *Krestyane i vlast'*: materialy konferentsii. Moskva: Moskovskaya shkola sotsialnykh i ekonomicheskikh nauk; Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. 4—23. (In Russ.).
- Danilov, V. P. 1998. Velikaya krestyanskaya revolyutsiya. In: *Oktyabr' 1917: smysl i znacheniyе: materialy kruglogo stola v Gorbachev-Fonde 30 oktyabrya 1997*. Moskva: Aprel-85. 9—17. (In Russ.).
- Faydzhes, O. 1994. Krestyanskiye massy i ikh uchastiye v politicheskikh protsessakh 1917—1918 gg. In: *Anatomiya revolyutsii: 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*: [materialy kollokviuma, 11—15 yanvarya 1993]. Sankt-Peterburg: Glagol. 230—237. (In Russ.).
- Froyanov, I. Ya. 1997. *Oktyabr' semnadsatogo: (Glyadya iz nastoyashchego)*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 160. (In Russ.).
- Fursov, A. I. 2012. Krestyanstvo: problemy sotsialnoy filosofii i sotsialnoy teorii. *Obozrevatel'—Observer*, 6: 69—89. (In Russ.).
- Khoros, V. G. 2015. Ponimaniye kak osnova istorizma: o knige «Stalinizm i krestyanstvo». *Novyy istoricheskii vestnik*, 1 (43): 135—153. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. 2008. «Krestyanskaya revolyutsiya v Rossii. 1902—1922»: nauchnyy proekt i nauchnaya kontseptsiya (predvaritelnyye zametki). *Uralskiy istoricheskii vestnik*, 2: 85—89. (In Russ.).
- Lyukshin, D. I. 1994. 1917 god v derevne: obshchinnaya revolyutsiya? In: *Anatomiya revolyutsii: 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*: [materialy kollokviuma, 11—15 yanvarya 1993]. Sankt-Peterburg: Glagol. 115—142. (In Russ.).
- Marchenya, P. P. 2010. Krestyanin i Imperiya: est' li smysl u «russskogo bunta»? *Istoriya v podrobnostyakh*, 6: 88—96. (In Russ.).
- Marchenya, P. P. 2002. *Krestyanstvo Povolzhya i bolsheviki v 1917 g.: sotsiokulturnyy aspekt: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. 235. (In Russ.).

- Marchenya, P. P. 2005. *Massovoye pravosoznaniye i pobeda bolshevizma v Rossii*. Moskva: Shchit-M. 206. (In Russ.).
- Marchenya, P. P. 2010. *Massovoye pravosoznaniye kak faktor russkoy revolyutsii 1917 g. Istoriya gosudarstva i prava, 19*: 20—22. (In Russ.).
- Marchenya, P. P. 2015. Massy i massovaya politika: kontsepty i realii. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii, 3*: 76—79. (In Russ.).
- Marchenya, P. P. 2008. Politicheskiye partii i massy v Rossii 1917 goda: massovoye soznaniye kak faktor revolyutsii. *Rossiya i sovremennyy mir, 4 (61)*: 82—99. (In Russ.).
- Marchenya, P. P., Razin, S. Yu. (eds.). 2011. *Krestyanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka: sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Zhurnal «Vlast'»)*, Institut sotsiologii RAN, Moskva, 12 noyabrya 2010). Moskva: APR. 472. (In Russ.).
- Marchenya, P. P., Razin, S. Yu. (eds.). 2014. *Stalinizm i krestyanstvo: sbornik nauchnykh statey i materialov kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminarra «Krestyanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii»*. Moskva: Izd-vo Ippolitova. 765. (In Russ.).
- Omelchenko, N. A. 1996. *V poiskakh Rossii: obshchestvenno-politicheskaya mysl' russkogo zarubezhya o revolyutsii 1917 g., bolshevizme i budushchikh sud'bachh rossiyской gosudarstvennosti*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. 549. (In Russ.).
- Revin, I. A. 2013. Krest'yanskaya Rossiya i Vtoraya russkaya smuta: nauchnyy proekt «Narod i vlast'» v otechestvennoy istoriografii revolyutsionnykh krizisov. *Novyy istoricheskiy vestnik, 2 (36)*: 56—66. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. 1990. *K istorii russkoy revolyutsii*: [sbornik]. Moskva: Politizdat. 447. (In Russ.).
- Shevelkov, A. I. 2013. Peasant Studies of Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications”. *Nauchnyy dialog, 12(24)*: 169—181. (In Russ.).
- Shanin, T. 1997. *Revolutsiya kak moment istiny [=Revolution as a Moment of Truth]*. Rossiya 1905—1907 — 1917—1922. Moskva: Ves' mir. 555. (In Russ.).
- Shanin, T. 1986. *Russia, 1905—07: Revolution as a Moment of Truth*. Houndsmills: Macmillan. XVI, 379. (Series : The Roots of Otherness — Vol. 2).
- Shanin, T. 1972. *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925*. Oxford: Clarendon Press. XVII, 253.
- Shanin, T. (ed.). 1992. *Velikiy neznakomets: krestyane i fermery v sovremennom mire: khrestomatiya*. Moskva: Progress: Progress-Akademiya. 431. (In Russ.).
- Volobuev, P. V. 1994. Istoricheskiye korni Oktyabr'skoy revolyutsii. In: *Anatomiya revolyutsii: 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*: [materialy kollokviuma, 11—15 yanvarya 1993]. Sankt-Peterburg: Glagol. 37—47. (In Russ.).